

К.Б. Уразаева , Г. Ерик

Евразийский национальный университет им.Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Нур-Султан,
e-mail: kuralay_uraz@mail.ru

КУЛЬТУРООРИЕНТИРОВАННЫЕ СТРАТЕГИИ АХМЕТА БАЙТУРСЫНОВА – ПЕРЕВОДЧИКА СКАЗОК АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

В данной статье рассматриваются переводы «Сказки о рыбаке и рыбке» и «Сказки о золотом петушке» Александра Пушкина Ахметом Байтурсыновым. Предложена модель культуроориентированных стратегий в переводческом опыте Байтурсынова. Популяризация сказки русского писателя и адаптация к восприятию казахского читателя потребовали выявления факторов выбора переводчиком определенной стратегии. Анализ соотношения культурной решетки, доместики, форенизации и остранения позволил установить их связь с аутентичностью художественного перевода. Изучение переводоведческого мастерства Байтурсынова осуществлено в аспекте соотношения фабульной синтагмы и парадигматического сюжета. Такой подход способствует изучению воздействия автора на читателя. Полученные результаты исследования дополняют картину казахского литературного процесса с точки зрения связи между культуроориентированными стратегиями перевода и развитием в казахской культуре литературной сказки. Восполняется казахстанская Пушкиниана. Анализ культуроориентированных стратегий позволил выявить связь с аутентичностью художественного перевода. Применение такосномического, статистического, формального и сравнительно-типологического методов способствовало установлению единства метода Байтурсынова-переводчика. Обосновано представление об остранении как виде доместики, объяснено преобладание доместики в целях популяризации сказки Пушкина и адаптации ее к восприятию адресата перевода. Доказана сущность остранения как результата воздействия национальной концептосферы на авторскую. Исследование доместики и форенизации осуществлено в аспекте их связи с фабульной синтагмой. Установлена связь между парадигматичностью сюжета оригинала и применением в переводе остранения. Анализ переводческой дисперсии способствует дополнению представления о факторах интеграции оригинала в культуру языка перевода. Модель культуроориентированных стратегий расширяет научный и методический арсенал литературоведческого переводоведения, способствует дополнению исторической и теоретической поэтики казахского литературоведения, развитию сюжетологии, интеграции методов литературоведения с лингвокоптеологией, лингпрагматикой. Практическое значение работы обусловлено включением переводов сказок Пушкина Байтурсынова в собрание сочинений русского писателя на казахском языке, что способствует интеграции результатов науки в издательское дело. Полученные результаты делают возможной систематизацию рекомендаций для новых переводчиков сказки Пушкина.

Ключевые слова: Байтурсынов, культурная решетка, доместикация, форенизация, остранение.

K.B. Urazaeva, G. Yerik

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Nur-Sultan
e-mail: kuralay_uraz@mail.ru

Culture-oriented strategies of Akhmet Baitursynov – translator of Alexander Pushkin's fairy tales

The article is devoted to the translations of «The Tale of the Fisherman and the Fish» and «The Tale of the Golden Cockerel» by Alexander Pushkin by Akhmet Baitursynov. A model of culture-oriented strategies in Baitursynov's translation experience is proposed. Popularization of the fairy tale of the Russian writer and adaptation to the perception of the Kazakh reader required the identification of factors of the translator's choice of a certain strategy. The analysis of the correlation of the cultural grid, domestication, foreignisation and estrangement allowed us to establish their connection with the authenticity of literary translation. The study of Baitursynov's translation skills was carried out in the aspect of the correlation of the plot syntagma and the paradigmatic plot. This approach contributes to the study of the author's impact on the reader. The obtained results of the study complement the picture of the Kazakh literary process from the point of view of the relationship between culture-oriented translation strategies and the development of a literary fairy tale in Kazakh culture. Kazakhstan's Pushkiniana is being replenished. The analysis of culture-oriented strategies revealed the connection with the authenticity of literary translation. The use of tacosomic, statistical, formal and comparative-typological methods contributed to the establishment of the unity of the Baitursynov-translator method. The idea of estrangement as a form

of domestication is substantiated, the predominance of domestication is explained in order to popularize Pushkin's fairy tale and adapt it to the perception of the recipient of the translation. The essence of exclusion as a result of the influence of the national conceptual sphere on the author's is proved. The study of domestication and foreignisation was carried out in the aspect of their connection with the plot syntagma. A connection has been established between the paradigmatic nature of the original plot and the use of estrangement in translation. The analysis of the translation variance helps to supplement the idea of the factors of integration of the original into the culture of the target language. The model of culture-oriented strategies expands the scientific and methodological arsenal of literary translation studies, contributes to the addition of historical and theoretical poetics of Kazakh literary studies, the development of literary studies with linguo conceptology, linguopragmatics. The practical significance of the work is due to the inclusion of translations of Pushkin's fairy tales by Baitursynov in the collection of works of the Russian writer in the Kazakh language, which contributes to the integration of the results of science into publishing. The results obtained make it possible to systematize recommendations for new translators of Pushkin's fairy tale.

Key words: Baitursynov, cultural grid, domestication, foreignization, estrangement.

Қ.Б. Уразаева, Г. Ерік,

А.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қаласы
e-mail: kuralay_uraz@mail.ru

Ахмет Байтұрсыновтың мәденибағытталған стратегиясы – Александр Пушкиннің ертегілерінің аудармашысы

Бұл мақалада Ахмет Байтұрсыновтың Александр Пушкиннен аударған “Балықшы мен балық туралы ертегісімен” “Алтын әтеш туралы ертегілерінің аудармалары қарастырылған. Байтұрсыновтың аударма тәжірибесіндегі мәденибағытталған стратегиялардың моделі ұсынылды. Орыс жазушысының ертегілерінің көпшілікке кең таралуымен қазақ оқырманының қабылдауына бейімделуі аудармашының белгілі бір стратегиялық таңдау факторларын анықтауды талап етті. Мәдени тордың, доместикацияның, форенизацияның және жатсынудың арақатынасын талдау олардың көркем аударманың түпнұсқалығымен байланысын орнатуға мүмкіндік берді. Байтұрсыновтың аудармашылық шеберлігін зерделеу фабулалық синтагма мен парадигматикалық сюжеттің арақатынасы аспектісінде жүзеге асырылды. Мұндай тәсіл автордың оқырманға деген әсерін зерттеуге көмектеседі. Зерттеуден алынған нәтижелер қазақ әдеби процесінің бейнесін мәдени бағытталған аударманың стратегиялары мен қазақ мәдениетіндегі әдеби ертегінің дамуы арасындағы байланыс тұрғысынан толықтырады. Қазақстандық Пушкинтану байи түседі. Мәдени бағытталған стратегияларды талдау көркем аударманың түпнұсқалығымен байланысын нақтырақ ашуға мүмкіндік берді. Такосномиялық, статистикалық, формальды және салыстырмалы типологиялық әдістерді қолдану Байтұрсыновтың аудармашы ретіндегі әдісінің бірлігін орнатуға ықпал етті. Пушкиннің ертегілерін кеңінен насихаттау және оны оқырманның жеңіл қабылдауына бейімдеу мақсатында доместикацияның басым болуы жатсыну ұғымы кеңейтілген доместикация ретінде нақтыланды. Ұлттық концептосфераның авторлық концептосфераға әсер ету нәтижесі ретінде жатсынудың мәні дәлелденді. Доместикация мен форенизацияны зерттеу олардың фабулалық синтагмамен байланысы тұрғысынан жүзеге асырылды. Түпнұсқаның сюжетінің парадигматизмі мен аудармада жатсынуды қолданудың байланысы анықталды. Аударма дисперсиясын талдау түпнұсқаны аударма тілінің мәдениетіне интеграциялау факторлары туралы идеяны толықтыруға көмектесті. Мәдени бағытталған стратегиялардың моделі әдебиеттану аудармасының ғылыми және әдістемелік арсеналын кеңейтеді, қазақ әдебиеттануының тарихи және теориялық поэтикасын толықтыруға, сюжетологияны дамытуға, әдебиеттану әдістерін лингвокоцептологиямен, лингопрагматикамен біріктіруге ықпал етеді. Жұмыстың практикалық маңыздылығы Байтұрсыновтың Пушкин ертегілерінің аудармаларын қазақ тіліндегі шығармалар жинағына енгізумен байланысты, бұл ғылым нәтижелерін баспа ісімен интеграциялауға ықпал етеді. Алынған нәтижелер Пушкин ертегілерін жаңа аудармашыларға жүйелеуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Байтұрсынов, мәдени тор, доместикация, форенизация, жатсыну.

Введение

Внимание к переводам А. Байтурсыновым сказок А. Пушкина – «Сказки о рыбаке и рыбке» (1911) и «Сказки о золотом петушке» (1911) обусловлено рядом обстоятельств. Первые переводы русской литературной сказки, что способствует изучению нового для казахской литературы жанра, его становления и развития. Художественный перевод как часть литературного процесса, позволяющий интегрировать результаты сравнительного изучения в теорию литературного процесса, а также делает сказку предметом культурного трансфера, обуславливает и другое актуальное для выбора темы обстоятельство. Рассматриваемые в статье вопросы являются актуальными с позиций исторической и теоретической поэтики и переводоведения. Анализ переводов сказок Пушкина Байтурсыновым оказывает влияние на издание критически выверенных произведений русского писателя на казахском языке. Актуальность исследования переводов Байтурсынова, чьи труды вернулись в культурный и научный оборот в конце XX в., перспективны и в плане сопоставления с переводами сказок Пушкина в советское время: «Сказки о рыбаке и рыбке» – З. Кабдуловым (1949) и А. Асылбеком (2016), «Сказки о золотом петушке» – С. Жиенбаевым (1975).

Казахские переводы сказки Пушкина представляют интерес и с точки зрения аутентичности художественного перевода. Понятие аутентичности обосновано в настоящей статье в аспекте культуроориентированных стратегий перевода, таких как культурная решетка, доместикация, форенизация и *остранение*. С учетом того обстоятельства, что русский и казахский языки не являются родственными, неизбежным является процесс переводческой дисперсии. Предпринятый опыт изучения казахских переводов сказки русского классика Байтурсыновым позволяет восполнить неизученные страницы казахстанской Пушкинианы в части обогащения казахской литературы новыми темами, героями, жанрами, стилями, с учетом своеобразия поэтического перевода – метрикой. Помимо влияния художественного перевода на динамику казахского литературного процесса, появляется возможность дополнения казахстанского «пушкинского текста» переводами сказки русского классика как источника освоения нового для казахской культуры жанра – литературной сказки.

Цель настоящей статьи заключается в создании модели культуроориентированных стратегий в переводческом опыте А. Байтурсынова на материале сказок А. Пушкина. Анализ казахских переводов сказок Пушкина с позиций жанрового единства создает возможность решения задач: 1) объяснение выбора переводчиком определенной стратегии, 2) исследование культурной решетки, доместикации, форенизации и *остранения* с позиции аутентичности казахских переводов сказки Пушкина, 2) анализ специфики художественного перевода в аспекте способов воплощения фабулы и сюжета, 3) анализ способов воздействия автора перевода на адресата.

Материал и методы

Материалом статьи послужили современные исследования, отражающие новые тенденции в науке из области исторической и теоретической поэтики, в том числе сюжетологии, переводоведения, а также отечественной науки в части казахских переводов произведений А. Пушкина. Объектом изучения стали переводы «Сказки о рыбаке и рыбке» и «Золотого петушка» А. Байтурсыновым.

Исследование культуроориентированных стратегий в переводах русской классики на казахский язык не предпринималось в отечественной науке. Между тем анализ культурной решетки, доместикации, форенизации и *остранения* в переводах сказок Пушкина Байтурсыновым показал не только своеобразие метода переводчика. Анализ переводческих стратегий позволил объяснить факторы выбора каждой из использованных переводчиком стратегий в случае отсутствия реалий и соответствующих языковых единиц и с позиций максимальной адаптации к сознанию адресата перевода. Соотношение стратегий перевода способствует описанию их динамики, что, в свою очередь, отражает динамику становления и развития литературной сказки в казахской культуре как предмета культурного трансфера. Применение таксономического и статистического методов позволило отразить в двух диаграммах и двух гистограммах не только количественное соотношение культуроориентированных стратегий, характеризующих единство переводоведческого метода Байтурсынова, но и правомерность трактовки *остранения* как вида доместикации, объяснить преобладание доместикации как фактора популяризации сказки Пушкина в казахской литературной среде. Использование формаль-

ного и сравнительно-типологического методов позволило рассмотреть *остранение* как результат воздействия национальной концептосферы на авторскую, соответственно, представляется возможным изучить новаторство Байтурсынова-переводчика в освоении нового для казахской культуры жанра – литературной сказки. С другой стороны, примененный в статье метод анализа культуроориентированных стратегий представляется плодотворным с позиции вопросов исторической и теоретической поэтики, например, сюжетологии как литературоведческого подхода. Исследование доместикации и форенизации отражает их связь с фабульной синтагмой. Парадигматичность сюжета оригинала, обусловленная смеховой поэтикой и адресованностью сказки Пушкина и ребенку, и взрослому одновременно, привела в переводе к появлению *остранения*. Обращение переводчиков к *остранению* обосновано как результат влияния национальной концептосферы на авторскую. Такой подход являет новаторство Байтурсынова-переводчика в передаче парадоксальной природы литературной сказки. Такой взгляд на проблему решает вопросы аутентичности художественного перевода сказки Пушкина и позволяет разработать рекомендации для новых переводчиков сказки Пушкина. Анализ переводческой дисперсии расширяет представление о факторах интеграции *другой* культуры в культуру языка перевода.

Для исследования рассматриваемой темы были применены также аксиологический метод, позволивший выявить концепты православия в сказке Пушкина в аспекте влияния на духовную семантику и мотивы поведения героев, а также как объект казахского перевода, транслатологический и переводоведческий, способствующие анализу аутентичности художественного перевода, воссозданию двойного воздействия смеховой поэтики Пушкина на читателя.

Обзор литературы

В период с 1903 по 1909 гг. Байтурсынов перевел произведения Пушкина: «Конь», «Песнь о вещем Олеге», «Вольтер» и сказки «Золотой петушок» и «Сказка о рыбаке и рыбке». Для литературной и переводоведческой судьбы Байтурсынова значимым является и факт издания произведений А. Пушкина в 3 томах на казахском языке под общей редакцией С. Сейфуллина (Джолдасбекова, Баратов, 2016: 42). В приведенной статье казахстанских ученых среди фактов

включения переводов в собрание сочинений Пушкина на казахском языке нет сказок русского писателя и их переводчиков. В этом отношении включение переводов сказок Пушкина Байтурсыновым в новые собрания сочинений или антологии произведений Пушкина на казахском языке представляется задачей, иллюстрирующей интеграцию науки, книжной и читательской культуры, издательского дела.

Внимание к объекту исследования ассоциируется с явлением «банализации» Пушкина, которая началась во Франции и усиливалась на протяжении всего XIX в. (Чельшев, 2015). В этом плане выбор объекта изучения и предмета – способов применения стратегий перевода казахским писателем, связи между переводческой установкой и жанром перевода – позволяет оценить роль переводов сказки Пушкина Байтурсыновым в истории казахской литературы и с позиций рецептивного освоения литературной сказки, и с точки зрения новаторства переводчика.

Исследованию казахских переводов Пушкина посвящена докторская диссертация С. Абдрахманова (Абдрахманов, 1999). Объектом научного интереса в данном труде являются казахские переводы романа «Евгений Онегин». Осуществленный ученым сопоставительный анализ переводов романа А. Кунанбаевым, И. Джансугуровым, А. Найманбаевым, К. Шангытбаевым обособил в качестве этапного опыт Абая. Для перевода Абая, по мнению Абдрахманова, характерна верность оригиналу, прежде всего в передаче идей и принципов создания образов. Адаптация романа Пушкина к менталитету народа обусловила чрезвычайную популярность героев Пушкина в казахской среде, начиная от имени Тәтіш до появления по мотивам романа пяти народных дастанов. Памятником метрического «подвига» является сохранение в переводе К. Шангытбаева (1949 и 1985) онегинской строфы. Известная оценка М. Ауэзовым Абая – автора 8 песен-признаний не как переводчика, а «вольного толкователя» (Ауэзов, 1967), противопоставление перевода романа И. Джансугуровым, так же, как и высокая оценка перевода Абая З. Ахметовым (Ахметов, 1949: 60-70) – обращает внимание на поэтику казахских переводов сказки А. Байтурсынова и их роли в литературном процессе.

В современной науке наблюдается дифференцирование *переводоведения* и *транслатологии*. Усатривая в таком дефинировании возможность точного описания смысловой структуры художе-

ственных произведений и научных текстов, ученый различает транслатологию, направленную на «изучение коммуникативного поведения и социального контекста, его обуславливающего» (Жеребин, 2020: 262), и переводоведение, объектом которого является поэтика перевода и эстетические критерии. Совмещение двух названных подходов позволяет объяснить мотивы выбора переводчиком той или иной стратегии, влияние национальной концептосферы на авторскую, охарактеризовать переводческое мышление и аутентичность перевода. Изучение казахских переводов сказки делает их предметом культурного трансфера и сравнительного литературоведения.

Результаты и обсуждение

Понятие *культурной решетки* (Лефевр, 2000) подразумевает сходство разных культур. В этом плане применение данной стратегии в переводах сказок Пушкина Байтурсыновым изучено в контексте формульной поэтики сказки и дословной передачи оригинала. Так, анализ культурной решетки в «Сказке о рыбаке и рыбке» позволил прийти к следующим выводам. Во-первых, это ритуализация как элемент стиля и прием повествования. Она достигается повторами в описании жеста старика, выражающего мольбу и апелляцию к рыбке: *Тағзыммен қол қусырып, арыз айтып*¹ (дословно²: Сложив в мольбе руки, произнеся просьбу) (114). Во-вторых, это прием передачи основных звеньев фабулы, вслед за автором оригинала. Например, в описании моря заметна дословная передача оригинала и повторы вопросов: *«Болды ма жаньң риза!»* (Теперь твоя душа довольна?) (116), *Бол-маса өзің шанаң, отырма* (Не в свои сани не садись) (116), описании наряда старухи – столбовой дворянки. Это и описание брани старухи: *Ұрсады келісімен шалға ақырып* (Бранится, крича на старика) (114). В-третьих, это создание хронотопа при помощи зрелищной символики. Например: *Жыбырлап судың беті шимайланып* (Шевелясь (подрагивая), колеблется поверхность волн) (113), *Бұзылып судың түсі лайланып* (Испортился цвет воды, стал грязным) (113), *Қарайып теңіз беті түнереді* (Почернев, потемнела поверхность моря) (115). В-четвертых, это сходство функции символики цвета в воздействии на адресата как оригинала, так и перевода: *Қара бұлт, қара дауыл* толқынды айдап (Черные тучи, черный ветер, погоняя волны) (117). Известно, что в фольклоре черный цвет символизирует миронеустроенность, это знак надвигающейся беды.

Как показывает анализ казахского перевода, Байтурсынов чаще прибегает к доместикации, в сравнении с другими культууроориентированными стратегиями. Ученые под доместикацией подразумевают анализ явлений ограниченной и полной деконкретизации, применения смыслового эквивалента, свободного перевода и текстуального пояснения (Franco, 1996: 269), а также ориентированность текста перевода на систему языка и ценности принимающей культуры (Venuti, 1994). Исследователи обращают внимание на преобладание доместикации в случаях «несходства культурных решеток» (Разумовская, Валькова 2017: 112). Отсюда систематизация учеными межкультурных барьеров как фактора использования доместикации.

Сравним описание ветхой землянки с жилищем старухи – столбовой дворянки. В описании землянки сцены верха и низа: *Үсті шығ, асты шұқыр жерден жырган / Баспана мекенінің сиқы тұрған* (Сверху дерн, внизу дыра, / Чудом стоит на земле) (112) – содержит просторечную лексику, в то время как картина дома дворянки выдержана в духе восточной книжной традиции. Это описание декоративной росписи стен и потолков птиц: *Салған үй салтанатты сәніменен, // Бояған, оюлаған мәніменен. // Сайраған бақшасында түрлі құстар / Келтірген көңіл хошын әніменен* (Дом построен как праздничный дворец, // Раскрашен, покрыт узорами, // Во дворце различные птицы / Поднимают настроение пением своим) (114). Прием доместикации является и апелляция автора перевода к представлениям о сословиях и знати у казахского народа, о социальной иерархии: *‘қарашекпен’ (черончекмецик), ‘ақсүйек’ (белая кость)*.

В системе доместикации можно выделить и дополнения от автора с целью прояснения обстоятельств жизни героя. Например, для формирования у читателя сострадания к герою автор перевода дает указание на бездетность супругов. К этой разновидности приема доместикации можно отнести и такие примеры: *Тілейтін жаңа тоят кезі жетті* (Наступила пора новых желаний) (116), *Қызығы патшалықтың тозды жылдам* (Быстро утратила новизну прелесть царского) (116), *Байғұстың түсі қашқан, өңі кетіп* (Бедолага осунулся) (117).

Дополнения от автора реализует хронотоп длящегося времени: *Жұмыстың тығыздығын, тезін айтты* (Сказала, что мало времени, надо срочно исполнить) (117). Это и примеры демонстрации власти старухой: *Тапсырды шалға*

жұмыс, әмір етіп (Поручила старику, демонстрируя власть) (117). Роль доместикации обусловлена прояснением смысла, что привело переводчика к использованию фразеоресурсов казахского языка – идиом и пословиц: *Сөз қатсаң, жыртылады жағаң* (Не сдержишь слова, т.е. не выполнишь требуемого, воротник будет порван, т.е. будешь наказан) (117). Идиома: *Көз салды жан-жағына мойнын бұрып* (Озирается, т.е. вертит шеей) (117) – распространяет иронию на образ старика, что созвучно концепции оригинала.

Применение доместикации характеризуется вниманием к морфологической структуре и процессам словообразования, типичным для казахского языка. Это примеры грамматического плана – редупликация как усиление эмоционального воздействия на читателя. Она обусловлена употреблением слов, структура которых основана на повторении корня. Напр.: *әп-әдемі* (очень красивый), *салып-салып* (ударяя и ударяя), *дәлме-дәл* (точь-в-точь), *тұрып-тұрып* (простояв-простояв), *жырық-жырық* (побитый-побитый, поцарапанный-поцарапанный), *аң-таң қалып* (изумившись).

В доместикации очевидна роль психологической мотивировки поступков и поведения героя. Воздействие на адресата происходит за счет лексики, характерной для экспрессивно окрашенного стиля: *азап* (мучение, страдания), передачи состояния героя – *таңырқанып* (удивленно).

Отдельную группу доместикации составляют приемы комической модальности, выраженной приемами языковой игры. Так, пушкинские *'дурачина'* и *'простофиля'* привели к таким соответствиям в переводе: *Ақымақ ... алжыған, кеткен есің!* (бестолочь, сумасшедший (маразмизирующий)) (113), *Миы ашыған, қу көк сақал!* (Прокисшие мозги, сивая борода) (113), *адырағал* (тарашись глаза), *мың ашып кеткен шіріп* (Мозги твои скисли, сгнили) (114). Речевые обороты: *Әдепсіз, ақылы жоқ, жарым* (Невоспитанная, глупая моя старуха) (115) и *Ақымақ, әдебі жоқ, алжыған құл* (Бестолковый, невоспитанный, сошедший с ума слуга) (116) – адаптируют русскую сказку к восприятию казаха распространенными в обиходе вульгаризмами. В комической модальности перевода можно выделить и зрелищную символику психологического свойства: *Кемпірі шалға көзін бажырайтты* (Старуха вытаращила глаза) (113).

Ирония и пародирование – как приемы литературной игры – создаются формулами семей-

ного этикета. Обозначение старухи *'қатыны'* передает не только встречающееся в обиходе грубое, простонародное *баба*, но и знак принадлежности старухи семье (его жена). Переводчик использовал и такую семейную категорию: *'жарың'* (твоя жена), где флексия содержит не только значение принадлежности, но и аллюзию на безволие старика и принятое в пантеоне семейных ценностей распределение ролей. Отсюда демонстративное пренебрежение старухи: *Адам деп елеп оған қарамай-ақ* (Не считает за человека) (116).

Игру вульгаризмами, направленными на передачу вздорного нрава персонажа, представляют примеры перевода пушкинского *'вздурилась'*. *'Вздурилась'* в дословном переводе встречается однажды как момент, предвещающий кульминацию: *Құтырды өскен сайын кемпір бағы* (По мере усиления счастья старуха становилась более развязной) (115). Автор акцентирует внимание читателя на осознании стариком чувства вины, что привело переводчика к такому примеру: *Таянды жындануға кемпір жетіп* (Старуха дошла до предела безумия) (115).

Пародирование старухи осуществляется при помощи риторического вопроса: *Қатыны, қайтып келсе, болған ханым, // Қасына шал қалайша жолап енді?!* (Когда вернулся. То увидел: его баба стала дворянкой // Как же теперь старик подойдет к ней?) (114). Ирония заключается в применении Байтурсыновым при описании дворца повтора – усиления, использованного в значении обобщения: *'бәрі'* (все): *Бәрі мол, бәрі байлық, бәрі ірі* (Всевошь, все богато, все крупное) (114). Иронию, пародию содержит и описание позы старухи: *Паңсынын сыртқы есікте тұр кемпірі* (В позе защитника, охранителя) (114). Дополняет иронические коннотации реплика рыбки, комментирующей желания старухи стать царицей и снисхождение к просьбе старика: *Жүргізіп жұртқа әмірін мейлінше, // Айбынды болар патша жарың* (Пусть показывает власть людям, // Будет старуха твоя царицей) (116).

Доместикация – это и поиск эквивалентов из каталога распространенных в казахском обиходе понятий, например, *'шабарман'* (посыльный). Интересна символика жеста, понятная казаху. *'Сапырып'* – ритмичное движение половника – подразумевает неупомянутый визуальный образ. Это и формула обращения *ақсақал, тақсыр* (повелитель), *қарт* (уважительное обозначение преклонного возраста).

Л. Венутти ввел в научный обиход понятие форенизации. Форенизация – сознательное пренебрежение лингвистическими и культуро-ориентированными нормами принимающего языка и культуры (Venuti, 1994). Форенизация подразумевает использование техник перевода, таких как транслитерация, лингвистический перевод, примечания переводчика, внетекстовые примечания (Franco 1996: 62). Усиление форенизации ученые относят к эпохе романтизма, что связано с признанием значимости «другого» (Разумовская, Валькова 2017: 114).

Форенизация представлена в переводе Байтурсынова единственным примером. Старуха унижает старика, манипулируя народным мнением, используя кальку: *Қадірсіз мұжық деген ат халыққа* (Для народа последний мужик) (ниже о кальке как единственном случае форенизации).

Стратегия *остранения* используется в переводоведении в русле трактовки В. Шкловским (Шкловский, 1929). Исследователи определяют *остранение* в переводе как «комплекс стилистических приемов, направленных на создание острого, очужденного восприятия у читателя; актуализация вещи или события и деконтекстуализация» (Разумовская, Валькова 2017: 120).

Остранение уточнено по материалам анализа казахских переводов сказки Пушкина как результат национальной концептосферы и более сложный вид доместикации, выводящий в область изучения новаторства переводчика. В пользу приведенного тезиса свидетельствует функция ритуальных фраз речевого этикета, обладающих прозрачной семантической и коммуникативной направленностью: *Балыққа айт менен көп-көп сәлем!* (Передай рыбе от меня большой привет) (117).

Указание на возраст старика и его физическую немощ подразумевает в казахской народной культуре уважение. Немощ передается при помощи тропа *әлі жоқ сөз қайырап* (нет сил – сил для возражения) (117). Инструментами воздействия на читателя становятся риторический вопрос: *Ағына сақалының кім қарайды?* (Кто же уважит его седины) (116), грубое обращение с ним и динамика глагольных форм: *Желкелеп, сүйреп, жұлқып жұлмалайды* (Вытолкали взащей, волоча по полу, дергая и толкая) (116). Выворачивание ценностных начал подчеркнуто в травестировании путем использования коллективной реплики: *Жұрт күліп: Шал екенсің, – деді, – жарым, / Ақылың кем болған соң, кімге обалың?*

(Дорогой, если недостаточно ума, то кто виноват? Эквивалент «На зеркало неча пенять») (116). Риторизация народной мудрости, обращенная к старику, содержит аллюзию на нарушение норм, формируя сострадание к старику за счет несобственно-прямой речи.

Среди риторических формул речевого этикета следует отметить и успокоение рыбой старика *‘қайғырма’* (не печалься, не скорби). Выражение не обладает аксиологической окраской оригинала и выдержано в границах формул утешения, характерных для казахской культуры. Риторическая стратегия соблюдает нормы выработанного казахским народом речевого этикета. *Остранение* достигается применением формул, актуализирующих на бессознательном уровне ценностные представления казахского народа. Например: *Күн көрген бишаралар / Болмапты төрт түліктен ырымға мал* (Не знавшие жизни бедолаги / Не имея скота) (112) – оперирует понятием *төрт түлік*, обозначающим четыре вида почитаемых кочевым народом домашних животных, у каждого из которых свой покровитель.

Остранение – как утрата аксиологии оригинала – выражается в переводе в описании желания старухи стать царицей. Это состояние неудовлетворенности при помощи сниженного употребления слова *‘жан’* (душа): *Жеткен жоқ жаным әлі ырзалыққа. // Ақсүйек дәрежесін азсынамын, // Патша етсін мені дереу бір халыққа!* (Не удовлетворена душа старухи по-прежнему, // Мало ей быть белой костью, // Хочет стать царицей над народом) (115).

Остранение влияет на трансформацию хронотопа оригинала. Например: финал перевода: *Түсіріп таз кебіне бір-ақ күнде, // Қойыпты қу қақбасты Құдай ұрып* (Превратил в один день в камень, //Проклял Бог старую каргу) (117) – являет переводоведческую деривацию. У Пушкина нет морали в виде самостоятельного, структурно выделенного компонента. Байтурсынов передает сиюминутность, тщетность устремлений старухи и покорного ее воле старика как возмездие свыше. Отсюда утрата номинально грубого значения идиомы *‘қу қақбас’* (старая карга) по отношению к старухе.

Результаты соотношения культуроориентированных стратегий в переводе Байтурсыновым «Сказки о рыбаке и рыбке» приведены в *Диаграмме 1*.

Диаграмма 1. Переводческие стратегии А. Байтурсынова. «Сказка о рыбаке и рыбке»

Итак, переводоведческая аутентичность в переводе Байтурсыновым «Сказки о рыбаке и рыбке» достигается, главным образом, при помощи культурной решетки, доместикации и *остранения*. Форенизация представлена единственным случаем кальки. Доминирование доместикации объясняется популяризацией сказки Пушкина, необходимостью разработки формульной поэтики литературной сказки, адаптированной к казахскому слушателю. Приведенные приемы доместикации обособляют роль иронии, пародирования, языковой и литературной игры как передачи пушкинской комической модальности. Доминирующую роль играет опора на фразеоресурсы казахского языка. *Остранение* осмыслено как результат влияния национальной концептосферы и источник авторского стиля, а также более сложный вид доместикации.

Перевод Байтурсыновым «Сказки о золотом петушке» (1911) являет использование культурной решетки, обусловленной формульной поэтикой сказки. Типичная для русской сказки формула завязки: «... в тридевятом царстве, // В тридесятом государстве» – принимает у казахского переводчика также характер сказочного зачина, однако стилизованного. Зачин: «*Беріде емес, әріде / Пәлен жұрттың жерінде*»¹ (Когда-то давно / В некотором царстве) (117) – обусловлен ориентацией на формулу «*В некотором царстве, в некотором государстве*». Выработанная переводчиком синтаксическая конструкция имитирует формульную поэтику сказки: «*Ханға*

тұрып сөйлейді, // Сөйлегенде бүй дейді» (Царь изрекает, а, когда изрекает, то говорит следующее) (118).

Сходство культурной решетки допускает синтаксическое уточнение. Так, автор перевода заключил в скобки соответствующий оригиналу фрагмент: «*Соғыс па я алде не, // Болсын мейлі не бәле*» (119) (Но лишь чуть со стороны / Ожидать тебе войны, // Иль набега силы бранной, // Иль другой беды незваной)¹ (359).

Случаем дословной передачи является перевод предложения, назидания: *Істеу шабан, айту тез. // Ертегінің шыны аз, // Шыны азың құны аз, // Жаннап айтқан жай бір сөз* (Скоро сказка сказывается, // В сказке мало правды // У кого мало правды, у того дни сочтены, / Сказное для развлечения слово) (125), практически идентичный пушкинскому «Сказка ложь, да в ней намек! // Добрым молодцам урок» (363). При этом вкрапление авторской ремарки: «*Қалды барша жұрт таңға*» (Народ был потрясен) (124) – отражает используемую Байтурсыновым в ряде случаев переводческую дисперсию.

Понятие переводческой дисперсии подразумевает «закон меры отклонения перевода от оригинала на разных уровнях, базирующийся на универсальном законе языковой и межъязыковой синонимии» (Жукова, Лебедько, Прошина, Юзефович 2013: 103) Явление дисперсии объясняется исследователями расхождением лексических систем языков-партнеров.

Доместикация являет как апробированные при переводе «Сказки о рыбаке и рыбке» при-

¹ Сказка цитируется по изданию: Пушкин А.С. Сказка о золотом петушке // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979. Т. 4. Поэмы. Сказки. 1977. – С. 358-363. Цитируемые страницы указаны в круглых скобках.

емы, так и новые. Так, доместикация коснулась ономастического принципа. Имя царя стало 'Дадан'. Здесь очевидно влияние казахского сингармонизма. Интересен прием доместикации, где пушкинский текст: *лихие гости с востока* – обрел полноту смысла в двоякой значимости. С одной стороны, топонимические, наделенные вместе с тем историко-культурными ассоциациями, оттого обретшие в оригинале коннотации противостояния славян и половцев *юг* и *восток* Байтурсынов перевел как *возвышенность, холмы* (қырдан) и *с внешних границ* (сырттан). Но есть в переводе и воспроизведение исторического факта противостояния и религиозный фактор оппозиции. Таков фрагмент: *Қырдан күтсе, жау суда, // Сырттан десе, құбыладан. // Жан-жағынан жау ұрды* (Ждут со стороны холма, а враг – со стороны воды, ждут с внешних границ – а они со стороны Киблы, со всех сторон обрушился враг) (118). Кибла является для исповедующего ислам человека знаком высокого значения. Это понятие символизирует направление с любой точки на земле в сторону священной Каабы в Мекке. В этом направлении мусульмане совершают обряд молитвы. Это направление семиотично как часть духовно-религиозного культа и ритуалов. Сравним: в другом месте казахского перевода *восток* осмыслен – в соответствии с оригиналом – как астрономическое, космологическое и географическое понятие и переведено дословно *куншығысқа*. Следует отметить применение в доместикации предметов быта казахов – *дорба* (мешок), *арба* (колесница).

Реликты казахской топонимики – как прием доместикации – определили и следующие примеры перевода. Пушкинское: «*Ни побоища, ни стана, Ни надгробного кургана*» – передает удивление и недоумение Дадона и его рати. Пустота пространства передается в переводе при помощи отсутствия обычных примет: *Ешбір белгі жолда жоқ / – Мола да жоқ, көр де жоқ, // Салық салған жер де жоқ, // Соғыс та жоқ, қол да жоқ* (Нет никаких примет на дороге, / Ни муллы. // Ни могилы (надгробия), // Ни обложенных подастью земель, / Ни войны, ни рати) (121).

Доместикация переводчика опирается на метафорический ряд, вызывающий у читателя на бессознательном уровне устойчивые ассоциации, обладающие закрепленным за ними значением. Например: *ұйқыдан айрылды* (лишился сна, точнее покоя), *жан шошитын* (вызывающая испуг у души). На границе с метафорами прослеживаются экспрессия и психологическое воз-

действие на читателя. Воздействие передается при помощи фразеоресурсов. Интересна идиома *мойныңдағы міндетті*. *Мойындау* в казахском языке означает *признать вину* (дословно: взять на свою шею). На границе с метафорическим осмыслением выразительность приобретает символика – зрелищная и звуковая. Например: *Қара қанға малынған* (Погруженный (по горло) в черную кровь) – передает исключительно драматическую степень кровавого побоища. В оригинале: «По кровавой мураве» – звучит более щадящим образом.

Звукосимволизм – как прием доместикации – при проведении сравнительного анализа переводов обнаруживает разную его художественную функцию. Если в переводах Кабдуловым и Асылбеком «Сказки о рыбаке и рыбке» звукосимволизм играл роль *остранения* – по причине создания нового смысла, то в переводе Байтурсынова он характеризует доместикацию. Байтурсыновым не создается новое значение. Переводчик усиливает описание картины горя и воздействие на читателя. Так, описание горя героя при помощи звуковой символики активизирует ассоциации у читателя, связанные со способами выражения скорби: *Еңіресті, жыласты. // Тау күрсініп, күңіреніп, // Ой ыңылдап, ыңыранып, // Бәрі бірге ұласты* (Стеная с ним, рыдали, // Гора вздыхала, потемнела, // В мыслях стеная, выли, // Все с ним разделил горе) (121). Здесь слова, производные от *еңіреу* (рыдать, плакать навзрыд), *ыңылдау* (стенать), *ыңыранау* (выть) *күрсіну* (вздыхать) – представляют собой звукоподражания, где фонемы обладают семантической определенностью. Или такие примеры: *дулап, шулап далага* (звуковой образ молвы), *у-шу* (образ шума, суеты, возни). Выразителен пример: звукоподражание Дадона: «*Туф!*» *деп жерге түкіріп* («Туф» и плюнул на землю) (124) – звук плевка, передающий высшее презрение царя к звездочету и недовольство. Прибегает переводчик и к звукосимволизму, создающему просторечный стиль. Звукоподражание-вульгаризм применено в реплике Дадона, принимающей характер риторического вопроса: *Таласатын қандай? Ма!* (Будешь тягаться со мной? На!) (124).

Интересен пример доместикации, направленный на синтаксическую организацию текста – при помощи риторических вопросов. Например, пушкинское: «*Было ль, не было ль сраженья, – // Нет Дадону донесенья*» (360) – в переводе приводит к последовательности предложений, передающих волнение героя: *Ашықты ма? Тоқ*

на әлі? // Жеткен жоқ па? Жетті ме? // Жау жатыр ма? Кетті ме? // Соғысты ма? Жоқ па әлі» (Голодны ли? Сыты ли? Не дошли ли? Или дошли? Полегли ли враги? Ушли ли они? Сразились ли? Или еще нет?) (120). Определенная повторяемость посредством однокоренных слов в переводе, синонимичность смысла повторяющихся предложений передают крайнюю степень чувств отца, что укладывается в представление об институте семьи.

Доместикация заключается и в использовании переводчиком более развернутой картины описания. Пушкинское «чудесное безмолвие» детализировано Байтурсыновым: *Маңайында ел де жоқ, // Бзыңдаған жел де жоқ, // Жалғыз ғана сол шатыр. // Өзектерде, ойларда / Жыбырлаған қойлардай // Қырып салған қол жатыр* (Ни людей кругом, // Ни дуновения ветерка, // Один лишь шатер // В траве, // Как беспокойные овцы, / Сраженная рать лежит) (121).

Интересен пример иронического парафраза, травестирования, к которому переводчик прибегает, описывая оглушенность Додона чувством к шамаханской царице. Пушкин использовал приемы восточной классической книжной традиции. Для переводчика выбор доместикации с прояснением состояния царя, впавшего в детство, напоминающего ребенка, получившего куклу, достигает пика язвительной иронии: *Нұры күндей шашылып / Қуыршаққа қуанған, // Балаларша уанған, // Жылаганын хан қойды* (Словно осиян лучами солнца, // Обрадовавшийся кукле, // Как младенцы угукают, // Хан перестал плакать) (122). Высшей степени травестирования переводчик достигает в сцене поучения Додоном мудреца. Отказ царя, его мотивация: *Қуарған шал! Сый алмай, // Қыз сұрайсың ұялмай, // Соққан сені захмет. // Жоғал! Кет!* (Высохший старик! Не стыдись, просишь девушку, Грех тебя попутал, // Пошел прочь!) (124) – являют мениппейную природу сказки и синтез комической модальности с драматической. Не меньшей иронии и сарказма исполнен портрет царицы: *Сылаңдаған сызылып* (Кокетничая, ломаясь) (122). В поведении щеголихи, кокетки акцентировано движение манерного, лицемерного угодничанья. Сатирическим предстает портрет мудреца, настаивающего на дани в лице шамаханской царицы. Травестирование стало причиной выделения в образе звездочета признаков возраста: *Ақ бөркі бар басында. // Ет жоқ, ұрты суалған, // Сақал, мұрты қуарған, // Қара қыл жоқ шашында* (В белой шапке, // Тощий,

запавший рот, // Реденькие, высохшие борода и усы, // Ни единого черного волоса). Дадон издевательски подчеркнуто обращается к нему (будучи сам его ровесником): *қарт бабам* (почтенный старче, отче). К примерам доместикации следует отнести и дополнения от автора. Гнев, который Дадон обрушивает на мудреца, сопровождается ремаркой переводчика: *Қысылғаннан шықты тер* (Аж пот выступил от гнева) (124).

Перевод содержит и приемы форенизации. Первый случай кальки вплетен в переводческую дисперсию. 'Кири-ку-ку' у Пушкина является частью иронического парафраза, апеллирующего к идиоме. Выражение: *Царствуй, лежа на боку!* – апеллирует к фразеологизму *лежебока* и вызывает ассоциацию с законом чуда, волшебства в русской сказке. Н. Трубецкой в статье «Иное царство в русской сказке» писал о чуде свыше как выражении мистицизма в душе русского человека. В переводе 'Кири-ку-ку' является частью дословного перевода, где русский фразеологизм не нашел лексического эквивалента. Вторая калька являет описание смеха шамаханской царицы: 'Хи-хи-хи! Ха-ха-ха!'. Таковы два случая форенизации.

В пользу обоснования *остранения* как переводческой стратегии, представляющей собой вид расширенной доместикации, тяготеющей к большей степени обобщения и абстрагирования, обеспечивающей парадигматизацию сюжета, свидетельствуют следующие примеры. Перевод исключительной, критической для Додона ситуации: *Что и жизнь в такой тревоге!* (358) – переводится понятным для казаха языком. Дословный перевод фрагмента: *«Безген ат боп белінен, // Һәр нәпсінің желінен»* (До пояса конь, / Ниже – кобылица) (страница) – не передает экстремального положения, в котором оказался царь. Образная картина коня-изгоя создает параллелизм, обладающим психологическим и философским смыслом. *Безген* называют человека, бежавшего с родины. *Безген ат* – конь на чужбине. *Нәпсі* переводится как *аскет* и в то же время *страсть*. *Желин* – *вымя*. Следы ритуальности в *остранении* обнаруживаются в обращении звездочета к Дадону: *Қабыл ет, хан, арызды!* (Хан, прими просьбу) (123). Ритуальное *қабыл* несет след пожелания не гневить неупомянутого тут Бога. Здесь мы видим проявление парадоксальной природы сказки.

Остранение является приемом парадигматизации сюжета. Когда Дадон отправляется в поход, то автор сопровождает сюжет напут-

ствием-благопожеланием, имеющим не просто ритуализованный характер. Автор перевода сохраняет иллюзию в отношении героя, ведомого чувствами и долгом царя и отца. В выражении: *Құтты болғай деп қадам* (120) – закодировано пожелание благого пути. Казахи, благославляя человека на важном переломном этапе жизни, произносят ритуальную фразу: *Құты болсын қадамың* (да благоволит тебе удача).

К проявлению *остранения* можно отнести и аллюзию на скопца. У Пушкина данный момент является не просто предметом иронии: он содержит аллюзию на абсурдность требования звездочета, на что, возможно, намекает Додон. Байтурсынов ограничивается аллюзией на данное обстоятельство. В сцене финальной встречи Дадона с мудрецом на скопца указывают реденькие борода и усы мудреца. Требование звездочета-мудреца сосредоточено исключительно в этическом поле: он настаивает на том, чтобы царь сдержал свое обещание.

Примером *остранения* является случай «корректировки» пушкинского хронотопа. Сравним акцентирование автором русской сказки повторов временных интервалов: между важными событиями, основными звеньями фабульного ряда проходит 8 дней. У казахского переводчика замена цифры 8 на 7 имеет мифопоэтическую и ритуальную основу. Апелляция к сакральной цифровой символике казахов – это обращение к бессознательному, потому что цифра 7 ассоциируется у казаха с этапом поминального обряда. Эта символика обладает позитивной коннотацией. Например, ритуал казахов печь 7 лепешек по пятницам (не имеющий ничего общего с исламом) несет следы поминовения духа предков.

Остранение обнаруживает себя и в табу на прямое именование смерти: *Сұғып, тапқан тынышты* (Нашедшие покой с вонзенными в них оружием) (121). Известно, что ислам осуждает страх перед смертью, отсюда два финала легенды о Коркуте. Бегство Коркута от смерти, пытавшегося обмануть ее игрой на кобызе, в мусульманской версии заканчивается неизбежностью конца. В языческой версии Коркут остается жив. Осуждение страха смерти связано с основной идеей ислама о гармонии как невмешательстве в природный порядок вещей, хода событий, что обусловлено понятием фикр, напоминающим о величии Бога и предопределенности всего сущего высшей силой. Здесь типичные для казаха представления, являющиеся результатом адаптации канонов и догматов ислама к народным представлениям, могут трактоваться как пример *остранения*.

К примеру *остранения* следует отнести, условно говоря, «жоктау» Додона. Это поминальный жанр, похоронная песня, характеризующаяся определенными формулами параллелизма. Они образуют синтсический параллелизм в плаче отца: *Екі азамат сұлтаным! // Екі лашын-сұңқарым! // Ауға түскен, алданған. // Маған күйік! Маған дерт! // Маған өлім! Маған мерт!* (Два моих богатыря! // Два моих сокола! // Обманутые, попавшие в сети! // Мне горе. Мне скорбь! // Мне смерть! Я искалечен (изувечен)) (121).

Результаты использования Байтурсыновым при переводе «Сказки о золотом петушке» культуроориентированных стратегий отражены в Диаграмме 2.

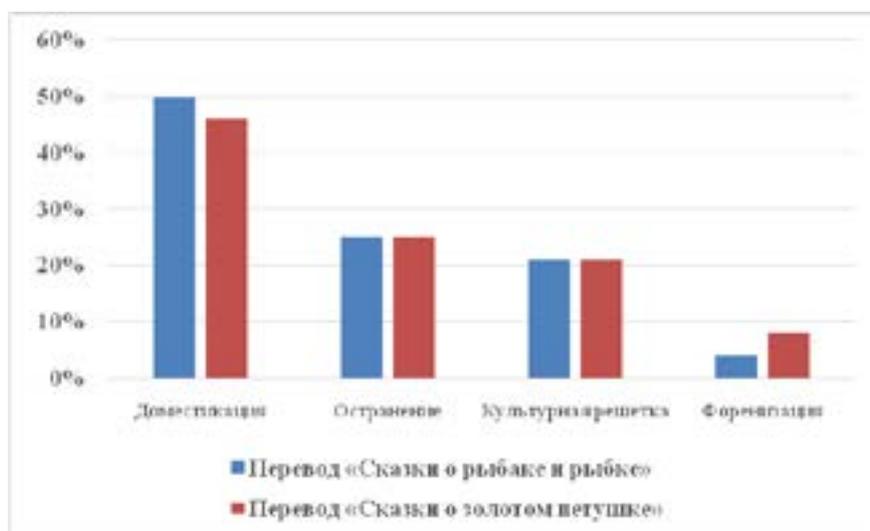
Диаграмма 2. Переводческие стратегии А. Байтурсынова. «Сказка о золотом петушке»

Как показывает анализ перевода «Сказки о золотом петушке», здесь подтверждаются мотивы выбора переводчиком определенного типа стратегии. Обобщение результатов анализа переводов двух сказок позволяет судить о направленности культурной решетки и доместикации на передачу фабулы сказки, в то время как *остранение* способствует передаче смеховой поэтики, двойственности воздействия сказки Пушкина на ребенка и взрослого в оригинале. Результаты проведенного анализа позволяют уточнить понятие доместикации как обусловленных аутентичностью художественного перевода дополнений от автора перевода.

Итоги сравнительного анализа казахских переводов двух сказок Пушкина Байтурсыновым отражает две гистограммы. Гистограммы отражают особенности применения перевод-

чиком культуроориентированных стратегий, характеризующих преобладание доместикации как фактора популяризации сказки Пушкина и адаптации к восприятию адресата перевода. Гистограммы подтверждают также правомерность толкования *остранения* как расширенной доместикации. Культурная решетка отражает расхождение формульной поэтики сказки с позиции национальной концептосферы. Примеры форенизации показывают предпочтение переводчика в поиске лексических и культурных соответствий посредством привлечения ресурсов родного языка.

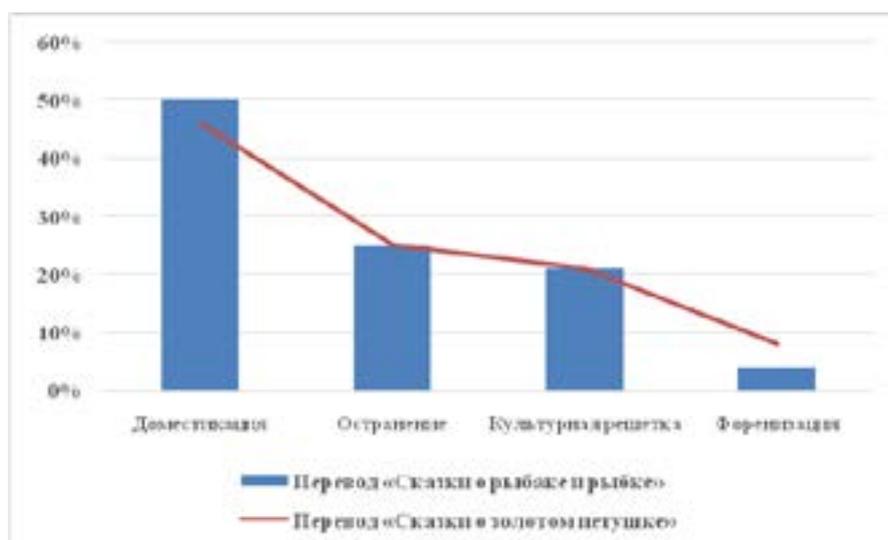
Гистограмма 1 отражает итоги сравнительного анализа использования Байтурсыновым переводоведческих стратегий, позволяющих судить о единстве подхода к передаче сказок Пушкина на русском языке.

Гистограмма 1. Сравнительный анализ применения А. Байтурсыновым переводческих стратегий. «Сказка о рыбаке и рыбке». «Сказка о золотом петушке»

Гистограмма 2 показывает в динамике применение культуроориентированных стратегий, соотношение культурной решетки, доместикации, *остранения* и форенизации. Трактовка *остранения* как расширенной доместикации показывает в количественном отношении преобладание способов адаптации текста *другой* культуры к восприятию реципиентом: 50%+40%.

На долю культурной решетки приходится 10 %, что свидетельствует о преобладании жанровых показателей литературной сказки над формульной поэтикой народной сказки. И практически сведенная к нулевому показателю форенизация подтверждает эффективную адаптацию сказки Пушкина и ее интеграцию в культуру языка перевода.

Гистограмма 2. Сравнительный анализ применения А. Байтурсыновым переводческих стратегий. «Сказка о рыбаке и рыбке». «Сказка о золотом петушке»

Заключение

Анализ переводческих стратегий показал в качестве факторов выбора популяризацию сказки Пушкина в казахской среде. Максимальная адаптация текста *другой* культуры и новизна жанра литературной сказки для казахской культуры обусловили поиск соответствий – языковых, культурных, социальных – посредством культуроориентированных стратегий. Так, культурная решетка способствует активизации в сознании читателя формульной поэтики народной сказки. Доместикация применяется в случаях отсутствия реалий в казахской действительности и соответствующих языковых единиц. При этом *остранение*, обоснованное как расширенный вид доместикации, вызвано воздействием национальной концептосферы на авторскую, что раскрывает грани новаторства Байтурсынова-переводчика. Минимальные примеры форенизации становятся индикаторами эффективной адаптации оригинала к восприятию реципиента. С точки зрения сюжетологического подхода применение культуроориентированных стратегий показывает: связь культурной решетки, доместикации и форенизации с фабульной синтагмой. Парадигматичность сюжета в оригинале сказки, обнаруживающая связь

с двойственностью смеховой поэтики и парадоксальностью пушкинской сказки, обусловила в переводе Байтурсынова явление *остранения*. О роли *остранения* как факторе парадигматичности сюжета свидетельствуют направления влияния национальной концептосферы: это мифопоэтические представления казахского народа, этические понятия и риторическая национальная традиция, которые активизируют на бессознательном уровне читателя перевода знакомые ему ценностные понятия. Роль Байтурсынова – переводчика сказок Пушкина для истории казахской литературы заключается в передаче их парадоксальной природы. Рассмотренный опыт переводческого мастерства Байтурсынова и применение методики анализа способствует не только созданию модели казахской переводной сказки и модели культуроориентированных стратегий в переводческой лаборатории, но и способствует разработке критериев аутентичности художественного перевода. Так становится возможной разработка рекомендаций для новых переводчиков сказки Пушкина в части передачи смеховой поэтики, адресованности ее ребенку и взрослому. Выявление переводческой дисперсии дополняет представление о факторах интеграции *другой* культуры в культуру языка перевода.

Список литературы

- Джолдасбекова Б.У., Баратов Ш.М. Исследование творчества Пушкина в литературоведении Казахстана. // Вестник КазНУ, Серия филологическая, 2016, №1 (159). – С. 40 - 44.
- Чельшев Е.П. Из истории постижения смыслов пушкинского текста: проблемы языка, понимания и культуры перевода. – Электронное научное издание Альманах Пространство и Время, 2015, №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-postizheniya-smyslov-pushkinskogo-teksta-problemy-yazyka-ponimaniya-i-kultury-perevoda> (дата обращения: 07.08.2021).
- Абдрахманов С. А.С. Пушкиннің «Евгений Онегин» романының қазақ әдеби және фольклорлық дәстүрендегі орны. Автореф. дис. на соискание уч. Степени кандидата филол. наук. – Алматы: Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, 1999. – 30 с.
- Ауэзов М.О. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования. Под ред. И. Т. Дуйсенбаева. – Алма-Ата: изд-во Ғылым, 1967. – 391 с.
- Ахметов З.А. Пушкин и Абай. // Вестник Ленинградского университета, 1949, № 6. – С. 60 -70.
- Жеребин А.И. Компаративные этюды Юрия Тынянова в свете теории перевода. // Вестник СПбГУ, Язык и литература, 2021, №2. – С. 262-27.
- Bassnett S. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation / S. Bassnett, A. Lefevere. Topics in Translation: 11. Shanghai Foreign Language Education Press, 2000. – 143 p.
- Franco Javier, A. (1996). Culture-specific items in translation. In R. Alvarez & M. Carmen Africa Vidal (Eds.), Translation, power, subversion. – P. 52-78.
- Venuti L. (1994). The Translator's Invisibility: A History of Translation. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780203360064> (accessed 1 June 2021).
- Разумовская В.А., Валькова Ю.Е. Доместикация, форенизация и остранение в переводе: исторический аспект. // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, 2017, № 40. – С. 111-123.
- Шкловский В. О теории прозы. – М.: Советский писатель, 1929. – 385 с.
- Жукова И.Н., Лебедко М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 632 с.

References

- Abdrakhmanov S. (1999). A.S. Pwşkinniñ «Evgeniy Onegin» romaniniñ qazaq ädebi jäne folklorlıq дәstүrenдеgi ornı. [The novel of A.S.Pushkin “Yevgeni Onegin” in traditions of kazakh literature and folklore]. Avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk [The dissertation of a candidate of philological sciences]. Almaty: M.O. Auezov Institute of Lieterature and Art. – 30 p. (In Kazakh).
- Akhmetov Z.A. (1949). Pushkin i Abay [Pushkin and Abai]. Vestnik Leningradskogo universiteta [Bulliten of Leningrad university], № 6. – 60-70 p. (In Russian)
- Auezov M.O. (1967). Abay Kunanbayev. Stat’i i issledovaniya. Pod red. I. T. Duysenbayeva.[Abai Kunanbaev. Articles and research]. Almaty: Gilim. – 391 p. (In Russian)
- Bassnett S. (2000). Constructing Cultures: Essays on Literary Translation / S. Bassnett, A. Lefevere. Topics in Translation: 11. Shanghai Foreign Language Education Press, 143 p.
- Chelyshev Y.P. (2015). Iz istorii postizheniya smyslov pushkinskogo teksta: problemy yazyka, ponimaniya i kul’tury perevoda. [From the history of comprehending the meanings of Pushkin’s text: problems of language, understanding and culture of translation.]. Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time vol. 10, issue 1 &Space and Time of the Text. (In Russian)
- Franco Javier A. (1996). Culture-specific items in translation. In R. Alvarez & M. Carmen Africa Vidal (Eds.), Translation, power, subversion. – 52-78 p.
- Joldasbekova B.U., Baratov Sh.M. (2016) Issledovaniye tvorchestva Pushkina v literaturovedenii Kazakhstana [The research work of Pushkin in Kazakhstan literary]. Vestnik KazNU.Vol., №1 (159).– 40-44 p(In Russian)
- Razumovskaya V.A., Val’kova Yu.Ye. (2017). Domestikatsiya, forenizatsiya i ostraneniye v perevode: istoricheskiy aspekt [Domestication, Foreignization, and Estrangement in Translation: History of Application], Vestnik NGLU [LUNN Bulletin], Vol.40. – 111-123 p. (In Russian)
- Shklovskiy V.B. (1983). O teorii prozy [About the theory of prose]. Moscow, Sovetskiy pisatel’. – 385 p. [In Russian].
- Venuti L. (1994). The Translator's Invisibility: A History of Translation. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780203360064> (accessed 1 June 2021).
- Zherebin A.I. (2021). Komparativnye etiudy Iurii Tynianova v svete teorii perevoda [Yuri Tynyanov’s comparative studies in the light of translation theory]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literature, №18 (2). – 262–276 p. [(In Russian)
- Zhukova I.N., Lebedko M.G., Proshina Z.G., Yuzefovitch N.G. (2013). Slovar’ terminov mezhkul’turnoy kommunikatsii [Terminological Dictionary of Intercultural Communication]. Moscow: FLINTA – 632 p. (In Russian)